
А. С. КЛЕМЕНТЬЕВ, О. В. ХЛОПКОВА

РАЦИОНАЛИЗМ В ПРИМЕНЕНИИ НАСИЛИЯ И ЭФФЕКТ «СНЕЖНОГО КОМА» ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ИМПЕРИЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается механизм экспансии и становления древних империй с точки зрения теории рационального выбора. Прослеживается корреляция между рациональностью применения насилия (физического, морального и религиозного) завоевателем и успешностью процесса расширения империи. Обсуждается степень насилия в ряде империй и крупных государств Древнего и Средневекового Востока. Помимо государств Востока, важную информацию для проведенной работы дают исследования развития цивилизаций и государств на территории Мезоамерики. В этом регионе также прослеживалась корреляция между рациональным применением насилия и ростом государств, наблюдался эффект «снежного кома». Исследуется религиозная политика Арабского государства на завоеванных территориях.

Ключевые слова: империя, теория рационального выбора, насилие, власть, экспансия, рациональное применение насилия.

Насилие и жестокое обращение с воинами противника, мирным населением завоевываемых стран и территорий и пленными были неотъемлемыми спутниками экспансии государств. Спектр применения насилия был широк – от избирательного подавления наиболее опасных противников до массовых пыток и истязаний, полного истребления населения.

Понятие империи, возникшее еще в Древнем Риме, означало высшую власть народа, проявляющуюся при наличии судебной власти, избрании должностных лиц и принятии законов (Лопухов 2008). За длительный период существования термина он приобретал разнообразные коннотации, смыслы и оценки. Сегодня единый подход к пониманию сущности империи отсутствует. Это обусловлено как сложностью и неоднородностью самого феномена, так и социально-историческими преобразованиями и трансформациями, изменяющими методы осуществления власти, навязывания господства, а значит, и формат империй.

Историческая психология и социология истории 2/2016 39–50

В социально-исторической науке неоднократно предпринимались попытки «вывести формулу» империи, определить ее основные черты и признаки. Как правило, авторы трактуют этот феномен комплексно, не сводя суть империи к одному признаку. Тем не менее можно выделить черты империи, которые отмечаются большинством исследователей и являются фактически универсальными. К ним относятся: размер территории, который должен быть относительно большим для конкретной эпохи и района, этнически и культурно разнородное население, наличие единого политического центра (Лопухов 2008).

Наряду с «универсальными» характеристиками империи, выделяемыми большинством авторов, используются иные: например, применение силы и агрессии при завоевании и удержании присоединенных народов в подчинении (Феоктистов 2000), длительный срок существования (Лопухов 2008), процесс регулярного раздвижения границ до пределов достижения сильного сопротивления (Федотов 1991) и т. д.

Современные исследования сдвигают акцент в исследованиях сущности империи на вопросы легитимации власти (С. Н. Айзенштадт, Д. Снайдер), способов формирования практик управления (Д. Снайдер, И. Берочем), функционирования экономических и политических связей внутри имперского механизма (И. Берочем, Ф. Купер), символических, властных и экономических ресурсов большого пространства, контролируемого империей (К. Фрумкин), конструирования ментальных смыслов и внутриимперских идентификаций населения (И. Берочем, М. Бессинджер) (Лопухов 2008).

В качестве признаков империи, отличающих ее от иных типов государственно-территориальных образований, мы рассматриваем:

- наличие большой (с точки зрения эпохи и места) территории, контролируемой единым политическим центром с постоянно действующим механизмом обратной связи;
- этнокультурное разнообразие населения при условии политического и экономического господства одного этноса;
- возникновение в результате военной, экономической, политической и культурной экспансии;
- способность оказывать сопротивление соседям, претендующим на зависимые территории.

Анализ истории возникновения крупных государств и империй показывает, что рационализм и избирательность насильственных

действий способствовали территориальному росту и зачастую обуславливали мультипликативный эффект для численности и ударной силы армии агрессора (эффект «снежного кома»). Напротив, бесконтрольная жестокость, массовые убийства, использование всех пленных для массовых жертвоприношений ограничивали возможности экспансии и не давали агрессору ресурсов, необходимых для захвата и контроля обширной территории и больших людских масс. Рационализация применения насилия в общеисторической перспективе в зависимости от роста технологий рассматривается в рамках модели технико-гуманитарного баланса: для сохранения жизнеспособности общества при росте производственных и военных технологий необходимо формирование все более совершенных культурных регуляторов, способных сдерживать агрессию (Назаретян 2015).

Многие авторы, дающие оценку насилию как средству защиты политической власти, исходят из теории рационального выбора (Нуреев 2005). В ее рамках каждый социальный субъект рассматривается как «максимизатор выгоды», который совершает действия только после того, как убедится, что выгоды от них превысят потери, т. е. посчитает акцию достаточно рациональной (Coleman 1992). При таком подходе можно предположить, что более успешными в строительстве империй становились те правители, которые прибегали к насилию «рациональным» образом, направляя его «выборочно». Напротив, излишняя жестокость в применении насилия при завоеваниях приводила к тому, что такие государства так и не создали империи и не получили власть над большими территориями.

Можно выделить три типа насилия:

- физическое (убийства, пытки, истязания);
- моральное (издевательства и нарушение достоинства);
- религиозное (попрание храмов и идолов).

Некоторые авторы считают непосильный налоговый гнет экономическим насилием. Вместе с тем вопрос о классификации экономической нагрузки (налогового гнета) в качестве вида насилия остается дискуссионным.

Завоеватель в целях увеличения империи и укрепления своей власти на завоеванных территориях должен был избегать немотивированного применения всех типов насилия. Разумеется, на становление больших многонациональных государств оказывало влияние множество факторов, начиная с физико-географических и климати-

ческих. Нельзя успех или неудачу потенциальных империй сводить к особенностям применения насилия. Тем не менее исторические примеры показывают определенную корреляцию успеха в захвате больших территорий, населенных разными народами, и рациональности в применении насилия. Можно проследить эту корреляцию на примере Ассирии.

Ассирийская империя вошла в историю Древнего Востока как одно из мощнейших государств с сильной властью правителей и полным контролем (в период расцвета) над обширными населенными пространствами от Средиземного моря до Персидского залива. Армия Ассирии, превосходя врагов по уровню военного искусства и развитию боевой тактики, имела славу всепокоряющей силы. Правители Ассирии известны своей жестокостью, во время военных походов население захватываемых городов и селений безжалостно уничтожалось. Особенно это было характерно для начала становления большого государства в Междуречье. Военные походы в начальный период чаще всего сводились к грабегам и набегам на соседей (Садаев 1979).

Максимального успеха Ассирия достигла при Тиглатпаласаре III (годы правления – приблизительно 745–727 до н. э.). О деятельности данного правителя сохранилось довольно много записей и исторических свидетельств. Подобно прежним правителям этого государства, он славился как искусный командующий армией и стратег, сокрушил крупного врага – Урарту, осуществил успешные походы в Мидию, Сирию, Ханаан, Израиль. Именно Тиглатпаласар III достиг контроля над Вавилонией.

Тиглатпаласар III вошел в историю не только как выдающийся полководец армии Ассирии, но и как на редкость рациональный администратор и политик (Якобсон 1989). Он истреблял лишь явных врагов, но не разрушал города и селения, не уничтожал население, от которого мог ждать лояльности. Более того, он старался позиционировать себя как защитника и покровителя городов и целых народов. Народы покоренных территорий приравнивались к ассирийцам. Зачастую Тиглатпаласар III отдавал приказы о насильственном переселении народов с целью усиления контроля над территориями. При этом переселение осуществлялось с сохранением семей и их имущества и даже с перенесением идолов, так что народ сохранял значительную часть своего имущества и своих богов.

Необходимо признать, что максимального успеха в истории Ассирии добился правитель с удивительно высокой для тех жестоких времен вариативностью применения насилия. Конечно, милосердием Тиглатпаласар III не отличался. В тех случаях, когда не планировалось долго контролировать территорию, армия Ассирии наносила населению и городам страшный ущерб (поход в Урарту) (Якобсон 1989).

Предшественники Ассирии – Шумер, Шумеро-Аккадское царство – оставили менее детальные источники, нежели Ассирийская империя. Поэтому о рациональности применения насилия и об отличии по данному критерию разных правителей и периодов судить трудно. Очень сложно изучать корреляции успехов и неудач в контроле территорий с избирательностью насилия. Также сложно судить о том, в какой степени воины подчиняемых территорий вливались в войска захватчиков. По-видимому, в Шумере мультипликативного эффекта для численности армий не было. Шумеры убивали пленных, о чем свидетельствуют хроники и сохранившиеся на барельефах и печатях изображения убийства пленников. На сценах сражений с врагами, посвященных последним эпизодам битвы, показано массовое истребление захваченных в плен связанных воинов, у которых отобрано оружие (Дьяконов 1983). В такой ситуации завоевательные походы могут дать добычу, но трудно рассчитывать на получение регулярной дани. По-видимому, военные походы шумеров представляли собой грабительские экспедиции, опустошавшие территории.

Ахеменидский Иран (Персия), начало успешной экспансии которого положил Кир II, безусловно, входит в число больших империй Востока. Армии персов были столь же эффективны в войне против соседей, как и армии ассирийцев. Персы Кира II разбили армию Мидии, захватили Вавилон. Прослеживаются определенные общие черты рациональности и избирательного применения насилия между великими императорами Киrom II и Тиглатпаласаром III. Как и могущественный правитель Ассирии, Кир II не стремился опустошать земли и селения покоряемых, а, напротив, был милостив. Так, в Вавилоне он обещал всем покорившимся мир. Он не менял социальную систему Вавилона, публично поклонялся вавилонским богам. Это помогло ему стать царем Вавилона, получить власть над воинами этой страны, возможность назначать наместников. Начиная от эпохи Кира II персидские армии (армии Ахеменидской империи) по сути были многонациональными вооруженными

силами (Дандамаев 1985). Без мультипликативного эффекта, опираясь только на мононациональную армию собственно персов, Ахеменидский Иран не смог бы захватить и контролировать территорию от Эгейского моря и границ с Египтом до границ Индии и Средней Азии.

Завоевание правителем империи Маурьев Ашокой государства Калинга в III веке до н. э. – пример нерационального применения насилия. Калинга имела большую армию и смогла оказать завоевателям серьезное сопротивление. В эдикте Ашоки сообщается, что в ходе войны было убито более 100 тыс. человек и еще 150 тыс. человек взято в плен. Позднее, приняв буддизм, Ашока в специальном эдикте признавал, «прослезившись», что суровые меры наказания применялись и к элитам, и к простому народу, которые выступали против власти империи Маурьев. В целях удержания Калинга под своей властью Ашока был вынужден принять ряд мер, призванных способствовать снижению социальной напряженности в завоеванной области. В частности, Калинга обрела несколько большую самостоятельность. Опыт Калинга и необходимость удержания в подчинении империи разных социальных групп заставили Ашоку пересмотреть свою политику, рационализовав применение насилия. От силовых методов устрашения и принуждения он переходит к применению дипломатических и идеологических тактик (Осипов 1948).

Во-первых, во внутренней политике важная роль отводилась соблюдению общих норм поведения и выполнению нравственного долга (дхарма). Следование дхарме признавалось обязательным для всех людей вне зависимости от религии, социального и имущественного положения. Во-вторых, новые методы также имели целью укрепление влияния Ашоки на соседние территории. В незавоеванные приграничные области отправлялись специальные миссии, которые проводили пропагандистскую работу среди населения, обещая ему любовь и заботу императора, его отцовское расположение и поддержку. В одном из эдиктов содержится следующее наставление чиновникам: «Люди из незавоеванных стран должны твердо усвоить, что царь для нас как отец. Как он себе сочувствует, так и нам, как дети ему дороги – так и мы». Задача идеолого-морального завоевания ставилась и применительно к районам, лежащим далеко от границ империи (Египет, Македония и др.) (Бонгард-Левин, Ильин 1985).

Напротив, одна из самых известных цивилизаций Мезоамерики – цивилизация майя – так и не стала империей и не распространилась на большую территорию. Более того, значительную часть времени существования эта цивилизация не образовывала большого единого государства, будучи фрагментирована на отдельные враждебные друг другу города. Экспансии цивилизации майя препятствовали не только физико-географические условия данного региона, но и практика массового насилия. Население захватываемых территорий часто полностью истреблялось, людей брали в плен для массовых жертвоприношений. И исторические хроники, и результаты археологических исследований свидетельствуют о жестоком обращении захватчиков с населением, об истязаниях, жестоких пытках с отсечением частей тела, убийствах, в том числе и ритуальных (Зубарев б. г.).

Братская могила обезглавленных военнопленных 1400-летней давности обнаружена в городе майя Уксуле (Мексика). Могила VII века содержит расчлененные скелеты 24 жертв, которые были военнопленными, а сама могила – водохранилищем (Романцева б. г.).

Это открытие – одно из первых фактических доказательств того, что массовые убийства пленных, которые так часто отображаются в наскальной живописи майя, на самом деле практиковались. Ученые из Университета Бонна обнаружили останки расчлененных человеческих тел в искусственной пещере классического периода майя. Второй подобной находкой была могила в городе Канкуэне, Гватемала (Буккер б. г.). Благодаря тому, что пол был покрыт глиной, кости очень хорошо сохранились, и это позволило ученым определить возраст и пол 15 из 24 человек. Среди них 13 мужчин и 2 женщины в возрасте от 18 до 42 лет.

Подобной практики придерживалась и другая цивилизация Мезоамерики – государство ацтеков, известное жестокой властью и высокой степенью насилия. Из-за чудовищного насилия, вызванного культом бога войны Уицилопочтли, который требовал регулярных жертв, ацтеки восстановили против себя все соседние народы: на пирамиде этого бога вырывали сердца пленных (Зубарев б. г.). Неудивительно, что армии ацтеков и майя встречали опустошенные земли, покидаемые населением, и не могли рассчитывать на рекрутирование воинов захватываемых народов в свои армии, на присоединение новых вооруженных отрядов в составе коалиционной армии под своим началом.

Совершенно иной пример дает альтернативный подход – избирательное и рациональное применение насилия. В момент расцвета

в XV–XVI веках империя инков (Тауантинсу́йу) была не только крупнейшим государством Мезоамерики, но и одним из крупнейших на Земле: численность подданных империи, по разным оценкам, составляла от 5 до 12 млн. человек. Подобный успех империи Тауантинсу́йу определялся как наличием мощной и многочисленной армии, имеющей наилучшее вооружение в регионе, безупречную дисциплину и славящейся хорошей тактикой, так и рациональным применением насилия и дипломатии в ходе присоединения территорий. Прежде чем применять военные методы, инки трижды предлагали правителям добровольно войти в состав их государства. Как только к Тауантинсу́йу присоединялась новая территория, с нее изгонялись все неблагонадежные и туда вселяли говорящих на языке кечуа. Всем чиновникам вменялось знание кечуа, однако остальным жителям не возбранялось соблюдать свои обычаи, носить традиционную одежду и знать родной язык. Отправление собственных религиозных культов также не запрещалось при условии обязательного поклонения богу Солнца Инти. Кроме того, местная знать и жречество зависимых народов сохраняли свое положение. Интеграция покоренных народов в экономическое и культурное пространство государства Тауантинсу́йу была настолько сильной, что до сих пор 7 млн. человек говорят на языке кечуа, у народов Анд сохранились общины-айлью, а также на территории империи инков ощущается их влияние в фольклоре, земледелии и психологии (Моралес 2014).

Покорение народов и государств Мезоамерики обросло множеством легенд, связанных с жестокостью конкистадоров-завоевателей, которые смогли небольшими отрядами в короткие сроки привести в подчинение население Нового Света. Однако научные исследования не подтверждают этих легенд. Несмотря на технологический перевес, европейцы были вынуждены рационально применять насилие, чтобы не вызвать жестокого сопротивления покоряемых народов. Армия Эрнана Кортеса, который был властным и жестоким человеком, отдававшим приказы на истязания врагов, на одновременное истребление тысяч человек, росла в ходе продвижения вглубь Мезоамерики. Кортес не ставил целью истребление всего населения захватываемых территорий и, разумеется, не проводил массовые жертвоприношения пленных. Лояльные ему правители не преследовались, и их армии присоединялись к испанскому отряду. Так, от 300 солдат отряд вырос сначала до 2500, а впоследствии до армии приблизительно в 20 000 человек. Воинственная цивилизация ацтеков пала без каких-либо серьезных сражений

с испанцами. Монтесума (правитель ацтеков) был вынужден встретиться Кортеса мирно: его сопровождали войска из зависимых от ацтеков племен, которым он обещал отделение взамен на поддержку (Clendinnen n.d.).

Завоевание империи инков, которое в целом длилось около 55 лет, готовилось долго и целенаправленно. Франсиско Писарро не только воспользовался ослаблением инков вследствие гражданской войны и господства эпидемии оспы и кори, завезенной испанцами, но и пополнил свой отряд недовольными господством инков. Кроме того, сломить активное сопротивление последних он смог в результате пленения и казни Великого инки Атауальпы. Захват обманом Атауальпы, имевшего, как считали инки, божественное происхождение, а также резня, в ходе которой погибли более 5 тыс. человек, произвели ошеломляющий эффект на инков, сломив их боевой дух (Хэммонд 2002).

Таким образом, и в этом регионе также прослеживается корреляция между рациональным применением насилия и ростом государств, наблюдается эффект «снежного кома» для армии захватчика при экспансии на новые территории.

Империя Александра Македонского была создана на Востоке во многом благодаря избирательному применению насилия и наличию мультипликативного эффекта. Так, Александр Великий сумел за счет рациональной тактики склонить на свою сторону население и вооруженные силы полисов Западной Анатолии, его армия росла по мере продвижения вглубь Анатолийского полуострова (Шифман 1988). Впоследствии армия империи Александра была многонациональной, включала представителей почти всех народов захваченных стран.

Александр раздавал сатрапии лояльным персам, но в случае измены или подозрений в измене был очень жесток, переходя к насилию и карательным мерам. Так же жестко он поступал по отношению к оказывающим сильное сопротивление городам. Например, население средиземноморского города Тира было уничтожено, за исключением взятых в рабство (Bosworth 1994).

Яркий пример рационального применения религиозного насилия – Арабский халифат. В результате мусульманских завоеваний была создана огромная арабская империя, включающая территории Передней и Средней Азии, Закавказья, север Африки, Синайский полуостров и значительную часть Пиренейского полуострова. К факторам успеха арабов относят слабость и неразумную внутреннюю политику противников, не способных рационально приме-

нять насилие на территориях-сателлитах. Так, в Сирии, Месопотамии и Египте, подчиненных Византии, местные жители, находящиеся под сильным налоговым гнетом, не оказывали сопротивления армии халифата и помогали арабам.

Однако наиболее важную роль сыграл ислам, ставший идеологией арабских завоеваний. Мусульманское учение способствовало военному продвижению арабов и привлекало завоеванное население к принятию ислама простотой и понятностью религиозных догм. Неофитство не только не запрещалось, но и поощрялось: новообращенные не платили податей, получали годовой правительственный оклад и приравнялись к арабам, получали больше шансов поступить на высокие государственные должности (до 700 года) (Большаков 1993). Все это объясняет массовое принятие мусульманской религии завоеванными народами и вступление местных мужчин в армию завоевателей. Кроме того, в халифате было терпимое отношение к иноверцам. Они имели право исповедовать свою религию при условии уплаты налога. Вооруженный джихад распространялся только на язычников. В Египте вплоть до XIII века преобладало коптское христианское население (Беляев 1966), и иноверцы в халифате могли занимать должности в системе управления. Такой либеральный порядок в вопросе вероисповедания резко контрастировал с византийскими порядками, где жестко преследовались христианские ереси. Однако в случае необходимости быстрого пополнения армии новообращенными арабы насильно обращали в ислам (например, в 709 году насильно в мусульманство были обращены берберы) (Там же).

Соотношение насильственных и ненасильственных методов при образовании империи Чингисхана и Чингизидов, Османской и ряда других империй требует дополнительных исследований. Но и представленный здесь выборочный анализ позволяет сделать предварительные выводы.

1. Хотя насилие всегда сопутствовало экспансии и созданию империй, прослеживается корреляция между успехом (или неудачей) экспансии и избирательностью применения насилия: абсолютная жестокость, тотальное опустошение, массовые убийства пленных (в том числе ритуальные) сказывались отрицательно. Напротив, уничтожение только активных и явных врагов при сохранении жизни, а иногда имущества и богов тех, кто потенциально мог стать лояльным и подчиниться, способствовали экспансии.

2. Среди правителей Древнего Востока наиболее рационально применявшие насилие имели огромные успехи в завоевании и кон-

троле территорий и народов: Тиглатпаласар III, Кир II. В Мезоамерике государства майя и ацтеков, являющиеся жесточайшими государствами с массовыми жертвоприношениями и опустошительными походами на соседей, не смогли значительно продвинуться в завоеваниях и создать жизнеспособные империи.

3. Рациональный завоеватель должен был избегать немотивированного применения всех типов насилия: физического (убийства, пытки, истязания), морального (издевательства и нарушение достоинства) и религиозного (попрание храмов и идолов).

4. Иногда насильственное распространение религии (открытой для неофитов, как, например, ислам) способствовало экспансии (Арабский халифат), но чаще всего именно толерантность к чужой религии помогала ей.

5. Эффект «снежного кома» – мультипликативный эффект для численности армии – является следствием рационального применения насилия. Самые яркие примеры – завоевание Кортесом Мексики, а также экспансия Ассирии, Персии, империи Александра Великого, Арабский халифат, монгольские завоевания.

Литература

Беляев, Е. А. 1966. *Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье*. М.: Наука.

Большаков, О. Г. 1993. *История Халифата*. Т. 2. *Эпоха великих завоеваний*. М.: Вост. лит-ра, с. 633–656.

Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф. 1985. *Индия в древности*. М.: Наука.

Буккер, И. Б. г. *Ушульская резня – зверства майя*. URL: <http://www.pravda.ru/science/mysterious/past/19-09-2013/1174632-uxul-0/> (дата обращения: 26.02. 2015).

Дандамаев, М. А. 1985. *Политическая история Ахеменидской державы*. М.: Наука.

Дьяконов, И. М. 1983. *История Древнего Востока*. Ч. 1. *Месопотамия*. М.: Наука.

Зубарев, В. Г. г. *История древней Центральной и Южной Америки*. URL: <http://www.geografia.ru/story-amerika.html> (дата обращения: 27.02. 2015).

Лопухов, Д. А. 2008. Основные подходы к определению понятия и сущностных черт империи. В: Селезнев, А. (ред.), *Experimentum-2009*. М.: Издатель Воробьев А. С., с. 93–100.

Моралес, К. В. В. 2014. Народ кечуа во времена империи инков. *Историческая и социально-образовательная мысль* 5: 44–48.

Назаретян, А. П. 2015. *Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М.: УРСС.

Нуреев, Р. М. 2005. *Теория общественного выбора*. М.: ГУ ВШЭ.

Осипов, А. М. 1948. *Краткий очерк по истории Индии*. М.: Изд-во МГУ.

Романцева, А. Б. г. *Братская могила доказала жестокость древних майя*. URL: <http://fedpost.ru/sobytiya/43728-bratskaya-mogila-dokazala-zhes-tokost-drevnix-majya.html> (дата обращения: 20.03.2015).

Садаев, Д. Ч. 1979. *История древней Ассирии*. М.: Наука.

Федотов, Г. П. 1991. *Судьба и грехи России*. СПб.: София.

Феоктистов, Г. Г. 2000. Империя как тип структурного деления мира (опыт классификации). *Общественные науки и современность* 2: 103–110.

Хэммонд, И. 2002. *Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков*. М.: Центрполиграф.

Шифман, И. Ш. 1988. *Александр Македонский*. Л.: Наука.

Яacobсон, В. А. 1989. Новоассирийская держава. Т. 2. Расцвет древних обществ. В: Дьяконов, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.), *История древнего мира*: в 3 т. М.: Наука.

Bosworth, A. B. 1994. Alexander the Great Part I: The Events of the Reign. *Cambridge Ancient History*. Vol. VI. The Fourth Century B.C. Cambridge: Cambridge University Press.

Clendinnen, I. N.d. “*Fierce and Unnatural Cruelty*”: Cortes and Conquest of Mexico. URL: <http://www.latinamericanstudies.org/cortes/cortes-cruelty.pdf>. (дата обращения: 28.02.2015).

Coleman, J. 1992. *Rational Choice*. Newberry Park, CA.